

Е. А. ВОЙЦЕВА**ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ
В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКИ ВОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
(на материале русского и польского языков)**

В статье анализируются особенности терминологической номинации как целенаправленного процесса в системе подъязыка водного хозяйства русского и польского языков. Для называния объектов и понятий водного хозяйства в русском и польском языках создана водохозяйственная терминология с использованием общезыковых словообразовательных моделей, заимствования терминов и терминологических элементов из других языков и терминосистем, поликомпонентных словосочетаний.

Ключевые слова: терминологическая номинация, терминология, терминосистема, подъязык водного хозяйства, русский и польский языки.

В современном языкознании в связи с переходом к антропоцентризму возрастает интерес к динамическим аспектам языка. Одним из приоритетных направлений является ономаσιологическое терминоведение, разрабатываемое в работах русских и польских лингвистов С. Гайды, С. В. Гринёва-Гриневича, М. Н. Володиной, З. И. Комаровой, Й. Мацкевич, В. Новицкого, В. Н. Прохоровой, Л. А. Шкатовой и др. В центре внимания данного направления — «процессы номинации понятий, формы существующих специальных лексем и способы их оптимизации» [5: 121].

Средством категоризации знаний (энциклопедических, общенаучных, специальных) об окружающей действительности, языковых формах репрезентации знания и оперировании лексическими единицами с целью обработки, сохранения и передачи информации является терминологическая номинация, «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом» [13: 270]. Подчеркнём, что основное отличие терминологической номинации от общезыковой состоит в том, что с её помощью вследствие лингвокогнитивной деятельности специалистов в термине (как слове или словосочетании специального научного, технического подъязыка) кодируется структура знаний.

При этом выбор наименования зависит от субъекта, выделяющего реалию, не имеющую вербального обозначения, и объекта. Практический общественный опыт в сознании носителей языка преобразует факты объективной действительности в языковые значения, приобретая в стереотипной коммуникативной ситуации типичный характер, что способствует формированию регулярных моделей терминологической номинации (объектов, процессов, отношений) [8: 337; 4: 18–20].

Так, в процессе терминологической номинации реалий водохозяйственной системы происходит систематизация номинативных пластов, их преобразование в ономаσιологические структуры с обобщенным значением, соответствующим понятийным категориям. Современная система понятий водного хозяйства («отрасль народного хозяйства, занимающаяся учетом, планированием и управлением комплексного использования, регулирования водных ресурсов, охраной вод от загрязнения и истощения, транспортировкой их к месту назначения») [3: 213] воплощается в логико-понятийной модели в соответствии с тем, как в языковом сознании специалистов группируются явления, предметы объективного мира. Лингвальным экспонентом данной системы выступает подъязык водного хозяйства как функциональная разновидность взаимосвязанных и взаимообусловленных лексических единиц научного стиля, содержащих в смысловом объёме гиперсему «водный, связанный с водным хозяйством».

Проблемы структурно-семантического анализа морской, судоходной, судостроительной, рыболовецкой терминологий рассматривались в исследованиях известных русских и польских лингвистов Б. Л. Богородского, И. К. Сморгонского, С. Я. Розена, З. Броцкого, Э. Лучинского, Я. Ожджинского [2; 14; 12; 17; 18; 19; 22; 23; 25]. Однако сравнительный анализ лексики подъязыка водного хозяйства русского и польского языков не проводился. Сегодня, в условиях сближения науки и техники, преобразования постнеклассической науки в непосредственную производительную силу общества с особым типом человеко-машинных систем и сложных информационных комплексов [11, 3: 28], к которым, очевидно, можно отнести современные средства водного транспорта, социально значимый корпус русской и польской водохозяйственной лексики (далее — ВХЛ) как подвижной и быстро изменяющейся части общенародного языка нуждается в дальнейшем лингвистическом изучении.

Цель данной статьи — установить универсальные тенденции терминологической номинации, обуславливающие динамику лексики водного хозяйства в русском и польском языках.

ВХЛ на основе базовых семантических компонентов с родовыми семами, обозначающими класс предметов, процессов, отношений, сгруппирована нами по таким самостоятельным лексическим микросистемам (лексико-семантическим группам): названия плавательных средств, названия элементов конструкции судна, названия рыболовных орудий, названия перемещения субъекта и объекта по воде, агентивные наименования.

Собранные материалы свидетельствуют, что для формирования лексики подъязыка водного хозяйства в русском и польском используются: 1) семантические способы: сужение или специализация значения (переход от родового значения к видовому, связанный с обогащением значения новыми смыслами): *камбуз*, пол. *kambuz* «судовая кухня», «металлическая плита или кухонная печь на судне», расширение (генерализация значения) общеупотребительного слова (переход от видового значения к родовому): *кабельтов* «растительный трос», «мера длины»), перенос значения общеупотребительного слова (метафорический и метонимический) (*идёт бабочкой* «о парусном судне, плывущем по ветру», *рыскание* «вид качки, угловые движения судна относительно вертикальной оси», пол. *myszkowanie okrętu*), межсистемное заимствование лексем (*водный трамвай*, пол. *tramwaj wodny*), заимствование иноязычных слов, терминологических элементов (*пеленг* < голл. *peiling*, *румб* < англ. *rumb*), а также профессионализмов и жаргонизмов (*гурло* «рукав дельты», *горло* «широкий пролив», *горловина* «отверстие в палубе, переборке, закрываемое крышкой»; *prosiak* «яхтенный балласт», *średniówka* «ходовая рубка, расположенная в средней части главной палубы судна»); 2) морфологические способы: аффиксация (*мостик*, пол. *mostek* «палуба верхней надстройки»), композиция (*ледокол*, пол. *sztormtrap*), усечение (*зачалок — зачал* «конец троса, которым зачаливают, прикрепляют речное судно у пристани» [9: 90]), аббревиация (*свп* — судно на воздушной подушке, *спк* — судно на подводных крыльях, пол. *PLO* — *Polskie Linie Oceaniczne*), эллипсис (капитан судна — *капитан*); 3) образование простых и сложных поликомпонентных словосочетаний и их лексикализация (парусное судно — *парусник*, брать рифы — *рифить*, мореходное училище — *мореходка*, пол. *niewód okrężny — okrężnica*).

История развития ВХЛ в преднаучный период в исследуемых языках происходила стихийным образом в направлении формирования, накопления фрагментарного материала, расширения рациональных и иррациональных знаний. До XX в. водные ресурсы на территории России и Польши (озёра, реки, моря) использовались для судоходства, которое вместе с рыболовством принадлежит к древнейшим видам профессиональной деятельности человека. Найденные гарпуны, крючки свидетельствуют, что рыболовство возникло 20 тыс. лет тому назад, лодки-долбленки и сети стали изготавливать 10 тыс. лет тому назад. В торгово-хозяйственной деятельности славян важное место занимали: путь «из варяг в греки» («древний водный торговый путь из Балтийского моря в Чёрное море, по которому в IX—XII вв. шла торговля Руси и Северной Европы с Византией»), Янтарный путь («древний торговый путь, по которому в античности из Прибалтики в Средиземноморье доставляли янтарь») [3: 980].

Очевидно, уже в преднаучный период в связи с выделением ремесел (рыболовства, судостроения), лексика которых стала осознаваться как отдельный номинативный пласт общенародного языка, формируются тематические группы.

ВХЛ в русском и польском языках формировалась на основе общеупотребительных слов, которые употреблялись для обозначения специальных реалий. Первичные представления об объектах, связанных с водным хозяйством, обозначались с помощью слов индоевропейского и общеславянского происхождения (*чёлн, судно, лодья, насад, струг, весло, корма*, пол. *czółno, statek, łódź, nasad, strug, wiosło*). В семантике специальных слов преднаучного периода отобразились как мифологические представления (в названиях плавательных средств — *ладья, судно*, пол. *łódź, statek* «средство передвижения и переправы умерших в потусторонний мир»), так и конкретное, прикладное знание (соматизмы в названиях элементов конструкции судна — *скула*, пол. *obło* «место наиболее крупного изгиба на корпусе судна, переходящего в носовую или кормовую оконечность судна или в днище») [9: 251; 24: 184].

Отметим, что анализируемая лексика возникла в условиях тесного взаимодействия между специальными и общенародными лексическими пластами, отсутствия чёткой системы понятий («мысль, которая выделяет из некоторой предметной области и собирает в классе (обобщает) объекты посредством указания на их общий и отличительный признак») [11, 3: 285].

Среди них выделяем: 1) заимствованные из общеупотребительной речи без семантических сдвигов слова для номинации реалий водного хозяйства; 2) прототермины — «специальные лексемы, появившиеся и применяющиеся в донаучный период развития специальных знаний, которые называют не понятия, а специальные представления» [5: 28]. Представление в отличие от понятия является «формой индивидуального чувственного познания, имеющей своим результатом целостный образ объекта, возникающий вне непосредственного воздействия последнего на органы чувств» [10: 798].

При этом номинации первого класса одновременно обозначали общеупотребительные и специальные реалии (*дуб* «род деревьев и кустарников» и «деревянное парусное грузовое судно», пол. *dąb, drewno* диал. «большая, выдолбленная из дерева лодка, судно») [9: 82].

Водохозяйственные прототермины (условно считаем, что время их появления — X—XI вв.) активно взаимодействуют с общеупотребительной лексикой, между ними нет резкой границы. Названия одинаковых реалий, например, рыболовных орудий, в русском и польском языках могут иметь схожие мотивировочные признаки: *верша* «рыболовное орудие, сплетенное из лозы», пол. *wiersza* < псл. **vǫrxъ* «верх» (в связи с конической формой верши); *волокуша* «лёгкая сеть для ловли рыбы», пол. *włok* «сетка в форме конического мешка для донной ловли рыб» < псл. **velka*, *бредень* «небольшая рыболовная сеть, которую тянут за собой на двух деревянных шестах», пол. *brodник/brodnia* < псл. **brodъnikъ* [26, 1: 37; 24: 299].

К прототерминам принадлежали однозначные специальные наименования (*комяга*, пол. *ko-miega* «долбленая лодка», *насадъ*, пол. *nasad* «старинное плоскодонное судно с насаженными бортами»), в том числе заимствованные слова (*бам*, пол. *bat* < дн. или шв. *båt* «лодка», *барка*, пол. *barka* < лат. *barca* «лодка»); полисемантические лексемы, которые в разных значениях функционируют в пределах тематической группы, связанной с реалиями водного хозяйства (*л'еса/л'яса* диал. «рыболовная снасть», пол. *podrywka* «сачок для ловли речных рыб», «сеть в форме конусоподобного мешка»); лексемы, отличающиеся семантической двуплановостью и функционирующие в разных тематических группах, в которых терминологические значения развиваются как вторичные, производные (*дно* «основание лодки», пол. *dno u łodzi*).

Большинство прототерминов в русском и польском языках, зарегистрированные по памятникам и лексикографическим материалам, являются неабсолютными, общепольскими, употребляются как в общем, неспециальном, так и в узком, специальном значении. Закономерной особенностью терминологической номинации в преднаучный период является относительная независимость прототерминов от изменяющейся окружающей действительности, так как они обозначают реалии, познанные на разных стадиях общественного развития.

Для формирования специальной лексики используется сужение (специализация) значения, что свидетельствует о выделении соответствующей терминологии из общепольского языка, её обособлении в отдельный номинативный слой. Вследствие обозначения теоретическим мышлением реалий в процессе взаимодействия субъективных и объективных факторов возникает семантическая двуплановость слов.

В акте терминологического наименования ощущение становится восприятием. Семантику репрезентирует представление по форме, функции, ассоциации (при метафорическом переносе значения), по смежности (при метонимии), а в ряде случаев — эмоциональное состояние субъекта [16: 34]. Универсальные семантические переходы совершаются от названий свойств предметов, которые воспринимаются прикосновением, вкусом, ощущением, к названию реалий, воспринимающихся зрением или слухом [1: 6].

В основе метафоризации, связанной с антропоцентрической и антропоморфной картиной мира, находится чаще внешнее либо функциональное сходство [15: 335], например, персонификализмы (пол. *jakubka* «лестница», уст. *barbara, jadwiga* — названия плавательных средств), соматизмы (*щека блока, бок* «бортовая обшивка деревянного судна», *губа* «залив с устьем реки в его глубине», *нос судна* «передняя оконечность судна» [9: 21, 70, 159], пол. *serce niewodu, wqs bokbory*). Метафоры-биоморфизмы закрепляют в лексико-семантических моделях стереотипные представления о реалиях водного хозяйства (*бык, бычок* «вертикальная стенка, разделяющая водосливную плотину», *гребень волны, гусыня* «деревянное самоходное судно», «*кошачьи лапки*», пол. *ogon bloku, dziób statku, pióro wiosła, jabłko* «клотик», *jadro sieci*).

Уподобление специальных реалий общеупотребительным предметам связано также с бытом человека, о чём свидетельствуют предметоморфизмы (бытовые метафоры): *банка* «отдельно лежащая мель», *беседка* «доска с укрепленными на ней тросами» [9: 14, 19], пол. *skrzynia* «судно», *kosz* «марс» [24: 129]. Подчеркнём, что лексемы тематической группы «Наименования посуды» на основе метафорического семантического сдвига развили в разных языках вторичное значение «плавательное средство»: рус., укр. *судно* < **som-*, **dhe* «делать», первоначально «сосуд, сделанный человеком»; рус., укр. *посудина* разг. «судно», пол. *kadź* уст. «речное судно для перевозки пшеницы; комяга» < гр., лат. *cadus* «кувшин», пол. *statek, statki* «домашняя посуда», *okręt* < псл. диал. **obkrotъ, *okrotъ* «плетеная посуда», болг. *плавателен съд* «корабль».

Метонимический перенос на основании смежности происходит вследствие трансформации понятийных значений в поверхностные структуры. Слово начинает соотноситься с другим номинативным классом, например, предмет — процесс (*оснастка* «такелаж», «работы по наложению такелажа», пол. *wachta* «период работы», «часть членов судового экипажа», *hals* «трос», «положение парусного судна по отношению к ветру»), место — действие (*переправа* «участок реки», «перевозка людей, транспорта, грузов через реки, каналы, проливы»), часть — целое (синекдоха) (пол. *żagiel* «парус», «судно»; *kotwica* «якорь», «корабль»).

До XVII в. прототермины в русском и польском языках выполняют номинативную функцию, обозначая первичные представления о реалиях водного хозяйства, в отличие от со-

временных терминов («номинативных специальных лексических единиц, принимаемых для точного наименования понятия») [5: 30], которые выполняют ещё и дефинитивную функцию.

Становление технических наук, связанное с внедрением научных знаний в производство, обособление научных и технических отраслей приводит к выделению основных понятийных категорий и их вербальному отображению. Оформление профессиональной лексики, прототерминов, обозначающих реалии водного хозяйства, в терминологию («естественно сложившуюся совокупность терминов данной отрасли производства, деятельности, знания, образующую особый сектор лексики, наиболее легко поддающийся сознательному регулированию и упорядочению») [13: 474], а затем в терминосистему («упорядоченное множество терминов с зафиксированными отношениями между ними, отражающими отношения между называемыми этими терминами понятиями») [5: 15], происходил в связи с институализацией науки (XVII—XVIII вв.), углублением специализации научной деятельности, научно-технической революцией (XVIII—XX вв.), новыми типами научных коммуникаций (конец XX в.), поиском нового типа научной рациональности, соединения ценностей научно-технического мышления с другими социальными ценностями [11: 27].

В научный период развития ВХЛ ономаσιологические структуры воплощаются в морфологических дериватах и поликомпонентных словосочетаниях. В частности, аффиксальное словообразование отображает категориальность в структуре термина, так как терминологические элементы включают специальное слово в класс орудий (*ледянка, насадок*, пол. *kontenerowiec, zbiornikowiec*), свойств (*магнетизм*, пол. *magnetyzm okrętowy*), помещений (*малярная, такелажная*, пол. *maszynownia, węgłownia*), процессов (*кантовать, обрасопить*, пол. *kapitanować, pamierzać*), агентов (*крючник, лебедчик*, пол. *marunarz, pływak*), указывают на оттенки в семантике слов (*колдунчик* «сшитый из материала мешочек или полоска материи, укрепленная на древке для определения направления ветра» [9: 110]).

Общезыковые полифункциональные морфемы детерминируются системой специальных понятий, указывают на место специального наименования благодаря установлению конкретных взаимосвязей между реалией и другими предметами [6: 63]. К примеру, идиоматическая мотивация суффиксальных дериватов на *-ac* (значение процессуальности), *-acz* (значение предметности) в польском языке проявляется в периферийном словообразовательном типе со специализированным значением «плавательное средство» [21: 95]: *ścig-ac* «преследовать» — *ścig-acz* «катер», *pch-ac* «толкать» — *pch-acz* «буксир».

Отметим общие тенденции, характерные для образования производных номинаций в ВХЛ русского и польского языков: 1) увеличение заимствованных производных основ с повышенным словообразовательным потенциалом, которые способствуют расширению парадигм и гнезд [7: 98] (*брасопить* «поворачивать реи при помощи брасов», пол. *wantownik* «леер»), использование в роли производных основ несклоняемых заимствованных терминов (*франко-борт, франко-гавань, франко-пристань*, пол. *autoalarm, autopilot*); 2) активизация иноязычных префиксов и префиксоидов (*гидро-* (*гидроагрегат, гидролокатор, гидромонитор*, пол. *hydrobus, hydrofon, hydrolokator, hydroskop*), *изо-* (*изобата, изогона, изоклина*, пол. *izobata, izogona, izoklina*), *контр-* (*контрагент, контрбизань, контрпульс*), *баты-* (*батискаф, батисфера*, пол. *batyskaf, batyplan, batysfera, batystat*), суффиксов и суффиксоидов (*-ер* (*гарпунер, диспансер, диспетчер*, пол. *brander, dyspaszer*), *-ход* (*ледоход, плотоход*), *-граф* (*мареограф*, пол. *barograf*); 3) образование композитов с полными или усечёнными основами (*газоход, кильблок, судоводитель, марсофлот* «опытный моряк парусного флота», пол. *wodolot, higrometr, hollina*), юкстапозитов (*бест-бот* «длинная одноместная гоночная шлюпка», *дизель-электроход* «судно с электрической гребной установкой», *карго-план* «грузовой план», пол. *trawler-zamrażalnia, trat-parawan*), буквенных и звуковых аббревиатур, принятых в международной практике (*МПС* — морская подвижная служба, *BFR* — морской фрахт, пол. *ro-ro, DWT*); 4) продуктивность универбации вследствие усиления влияния на специальные лексические слои разговорного стиля и экономии языковых усилий (пол. *czarter partia* — *charter-party*).

Оформление отрасли водного хозяйства, выделение новых секторов (вторая половина XX в.) обуславливают необходимость номинации понятий в течение небольшого временного отрезка в русском и польском языках, для чего активно используются поликомпонентные словосочетания, называющие разнообразные виды специальных объектов (*судно дальнего плавания, промысловое судно*, пол. *prom kolejowy, statek wycieczkowy*), которые в устной коммуникации лексикализируются (*трамповое судно* — *трамп, сухогрузное судно* — *сухогруз*, пол. *statek dźwigowy* — *dźwigowiec, Kompas żyroskopowy* — *żyroskop, żyro*).

Таким образом, в результате проведенного исследования установлено наличие общих закономерностей в развёртывании способов терминообразования ВХЛ русского и польского языков и употребления отдельных средств терминологической номинации. Дальнейшее изучение лексики водного хозяйства позволит углубить представление о динамике словарного состава данного технoлекта и путях его развития.

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. — М.: Наука, 1974.
2. Богородский Б. Л. Русская судоходная терминология в историческом аспекте: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Б. Л. Богородский. — Л., 1964.
3. БЭС — *Большой энциклопедический словарь*. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклоп.; С.Пб.: Норинт, 2000.
4. Голованова Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е. И. Голованова // Известия Уральск. гос. ун-та. — 2004. — № 33. — С. 18—25.
5. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: [Учеб. пособие] / С. В. Гринёв-Гриневиц. — М.: ИЦ Академия, 2008.
6. Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов / В. П. Даниленко // Исследования по русской терминологии. — М.: Наука, 1971. — С. 7—68.
7. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. — М.: Наука, 1992.
8. ЛЭС — *Лингвистический энциклопедический словарь*. — 2-е изд., испр., доп. / [Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая Российская энциклоп., 2002.
9. МРТ — *Морские и речные термины: словарь* / [Отв. ред. О. П. Мурыгин]. — М.: Былина, 1997. — 336 с.
10. НФС — *Новейший философский словарь*. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
11. НФЭ — *Новейшая философская энциклопедия*: В 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. общественно-науч. фонд; Научно-ред. совет [предс. В. С. Стёпин и др.]. — М.: Мысль, 2001. — Т. 3.
12. Розен С. Я. Очерки по истории русской корабельной терминологии Петровской эпохи / С. Я. Розен. — Л.: Морской транспорт, 1960.
13. СЛТ — *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов*. — 2-е изд., стереотип. / О. С. Ахманова. — М.: Эдиториал УРСС, 2004.
14. Сморгонский И. Кораблестроительные и некоторые морские термины нерусского происхождения / И. Сморгонский // Труды ин-та истории науки и техники. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — Вып. 6. — Сер. 2.
15. Трубачёв О. Н. Языкознание и этногенез славян: Древние славяне по данным этимологии и ономастики / О. Н. Трубачев // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Киев, сент. 1983 г.: Докл. сов. делегации. — М.: Наука, 1983. — С. 231—270.
16. *Языковая номинация* (Виды наименований): Сб. статей / [Отв. ред. Б. А. Серебренников и А. А. Уфимцева]. — М.: Наука, 1977.
17. Brocki Z. Kot i kotwica. Historyjek z życia terminów morskich / Z. Brocki. — Gdynia: Wyd-wo Morskie, 1961. — Zb. 1.
18. Brocki Z. Morze na oku. Historyjek z życia terminów morskich / Z. Brocki. — Gdynia: Wyd-wo Morskie, 1964. — Zb. 2.
19. Brocki Z. Morze pije rzekę. Historyjek z życia terminów morskich / Z. Brocki. — Gdańsk: Wyd-wo Morskie, 1969. — Zb. 3.
20. Gajda S. Wprowadzenie do teorii terminu / S. Gajda. — Opole: WSP im. Powstańców Śląskich, 1990.
21. Grzegorzczukowa R. Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego: Rzeczowniki sufiksalne rodzime / R. Grzegorzczukowa, J. Puzynina. — Warszawa: PWN, 1979.
22. Łuczynski E. Staropolskie słownictwo związane z żegluga XV i XVI w. / E. Łuczynski. — Gdańsk: Wyd-wo Morskie, 1986.
23. Łuczynski E. Polska terminologia morska I połowy XX wieku. Nazwy części jednostki pływającej / E. Łuczynski // Zeszyty naukowe. Rozprawy i monografie. — Gdańsk, 1987. — № 95.
24. MLM — *Grajewski I. Mały leksykon morski* / I. Grajewski, J. Wójcicki. — Warszawa: Wyd-wo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1981.
25. Ożdżyński J. Morska wspólnota kulturowa w świetle faktów językowych. Morfologia zapożyczeń w polskim słownictwie flisackim i żeglarskim / J. Ożdżyński // Prace monograficzne. — Kraków. — 1989. — T. 105.
26. Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego: w 5 t. / F. Sławski. — Kraków: Nakładem Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, 1952—1965.

О. А. Войцева

СПІЛЬНІ ТЕНДЕНЦІЇ ТЕРМІНОЛОГІЧНОЇ НОМІНАЦІЇ У РОЗВИТКУ ЛЕКСИКИ ВОДНОГО ГОСПОДАРСТВА (на матеріалі російської та польської мов)

У статті проаналізовано особливості термінологічної номінації як цілеспрямованого процесу в системі субмови водного господарства російської та польської мов. Для номінації об'єктів і понять водного господарства в російській і польській мовах створено водогосподарську термінологію з використанням загальнономовних словотвірних моделей, запозичених із інших мов і терміносистем термінів та полікомпонентних словосполучень.

Ключові слова: термінологічна номінація, термінологія, терміносистема, субмова водного господарства, російська і польська мови.

O. A. Voytseva

THE GENERAL TRENDS OF TERMINOLOGICAL NOMINATIONS IN THE DEVELOPMENT OF LEXIS OF WATER ECONOMY (on the material of the russian and polish languages)

The peculiarities of terminological nominations as purposeful process in the system of water economy vocabulary in the Polish and Russian languages are analyzed in the article. The water economy vocabulary was created for calling objects and ideas of water economy in the Polish and Russian languages with the employment of word-formative models, borrowed terms from another languages and terminologies, combinations of words.

Key words: terminological nominations, terminology, water economy vocabulary, the Polish and Russian languages.